

**Определение термина «религия» и права человека: концепции Уильяма
Кавано и Целлы Кенни**

Научный руководитель – Куманьков Арсений Дмитриевич

Михеев Владимир Юрьевич

Студент (бакалавр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия

E-mail: Dezem@bk.ru

Споры об определениях зачастую считаются бесплодными и бесполезными для продуктивной деятельности, поэтому нередко ученые стремятся отказываться от них. Однако когда дело касается права и политики терминологические проблемы начинают иметь действительное влияние и значимость. В настоящем докладе будут рассмотрены работы двух исследователей, посвященные культурно-политическим и правовым последствиям дефиниции термина «религия». Книга «Миф о религиозном насилии» профессора университета Де Поля Уильяма Кавано рассказывает о причинах маргинализации религиозных организаций в современном общественном дискурсе, статья «Право и искусство определения “религии”» исследовательницы из Тринити колледж (Дублин) Целлы Кенни повествует о сложностях в современном европейском законодательстве в отношении свободы вероисповедания и предложения по его реформе. Оба автора согласны с тем, что традиционная дихотомия религиозное-секулярное, во-первых, не отражает настоящего положения дел в обществе, во-вторых, не решает поставленные на нее задачи, например миротворческих, в третьих может быть использована для стигматизации одних институтов, как религиозных, так и секулярных, и закрепления привилегий других.

Аргументацию Кавано можно разбить на три части: спор о понятиях, рождение мифа о религиозном насилии и его применение, причины, по которым от него следует отказаться. Автор выделяет два основных подхода к определению религии: субстантивистский и функционалистский. Первый стремиться обособить религию как уникальную сферу человеческой деятельности, отличную от других, вроде политики и экономики, по своему *особому объекту* - Богу. Однако подобные определения исключают атеистические религии вроде даосизма, буддизма и конфуцианства; при попытке расширить термин под него попадают такие доктрины как национализм, марксизм и другие обширные системы мира. Второй подход стремится представить ее как *особую функцию* в общественной жизни, связанную с верой в определенные ценности и применением этой веры в своей жизни. Подобное определение будет включать ценности любого рода, вроде веры в свой карьерный рост, однако оно делает разделение на секулярное и религиозное бессмысленным. [1]

Подобное широкое использование противоречивого термина связано с особой функцией, которую он играл в европейской политике с эпохи модерна: очернение церковных структур власти как вызывающих фанатичное насилие и легитимизация секулярных, как рациональных и сдерживающих иррациональные проявления религиозности в сфере частной жизни. Интеллектуалами того времени был создан особый концепт «религия», под которым понимался особый феномен, автономный от всех других сфер жизни, присущий всему человечеству во все времена и склонный к проявлению насилия, основанного на религиозном энтузиазме. Кавано убедительно показывает, что в других неевропейских культурах, подобного разделения религии и политики не существовало вплоть до XIX в,

а сам этот термин вплоть до нового времени не имел подобного значения. Более того, миф утверждает, что власть секулярного правителя необходима, чтобы держать в узде иррациональную и конфликтогенную религию, тем самым сохраняя в обществе мир, однако нередко он используется для маскировки насилия секулярных властей, заставляя воспринимать их действия как рациональное и миротворческое применение силы, например, для оправдания военного вторжения в мусульманские страны.

Кавано оговаривается, что его книга не направлена на оправдание насилия, совершаемого религиозными организациями, и не предлагает альтернативы либеральному демократическому государству. Его задача негативная - показать генеалогию мифа и то, как он может легитимировать насилие против «иррациональных» религиозных акторов. [2]

Целла Кенни в своей статье подчеркивает важность определения религии в законодательстве, поскольку оно создает влиятельные социальные оппозиции, которые потом формируют общественные группы с разными правами и привилегиями, например, одни из них имеют налоговые льготы, а другие рассматриваются государством как потенциально опасные. Однако текущие терминологические подходы по ее мнению вызывают проблемы: 1) субъективно-функциональный, т.е. основанный на том, что верующий считает для себя религией, является слишком размытым; 2) субстанционально-понятийный, т.е. подводящий веру под определенные критерии религиозности, с одной стороны зачастую основан на культурных стереотипах и ущемляет нетрадиционные формы религиозного опыта, а с другой - игнорирует атеистические формы мировоззрения и не дает им никакой государственной поддержки.

Вместо них Келли предлагает прагматический подход, согласно которому имеют значение лишь те определения, что несут практическое значение. В ситуации современного разнообразия культур империалистический стиль политики, где одни группы подавляют другие, бесполезен, а потому государство должно законодательно защищать все меньшинства, если они не несут угрозу самому институту демократии, толерантности и плюрализма. В таком случае для законодательства выделение религиозных и нерелигиозных общественных групп не имеет значения. [3]

Таким образом, Кавано и Келли указывают на то, что традиционное разделение секулярного и религиозного не имеет познавательной и практической ценности в сфере права и политики. При оценке доктрин и практик удачнее пользоваться критерием их опасности/безопасности для обеспечения фундаментальных прав человека.

Список литературы

1. Cavanaugh, William T. *The Myth of Religious Violence: Secular Ideology and the Roots of Modern Conflict*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
2. Cavanaugh, William T. *The root of evil. (Does religion promote violence?)*//*America*, July 29, 2013, Vol.209 (3), p.11 (4).
3. C.G. Kenny, *Law and the art of defining religion*, in: *Ecclesiastical Law Journal* 16, 1, 2014, 18-31